

ARCHIVE

Игорь Левичев
Концепт «Amori et Dolori» в сонете
М. Волошина «Грот нимф»

Сонет «Грот нимф» принадлежит к числу одних из самых интересных и мистических произведений М. Волошина раннего периода творчества. Он был написан в Коктебеле весной 1907 года и включен позднее в цикл «Звезда Полюнь» первого сборника стихов М. Волошина, вышедшего в 1910 году [2, с. 76], посвятив сонет поэту Сергею Соловьеву.

Интересно отметить, что Сергей Соловьев, по-видимому, знал это произведение Волошина еще до первой его публикации в 1910 году, поскольку в первом поэтическом сборнике Соловьева «Цветы и ладан», вышедшем в 1907 году, в сонете, посвященном «Максу Волошину», имеются следующие многозначительные строчки:

Ты оживил напевы козлоногих
И спящих нимф, в тени, без покрывал [8, с. 74].

Период работы над сонетом был очень сложным в психологическом отношении временем в жизни поэта. После известных событий на «Башне» Вяч. Иванова и краха «любовного четырехугольника»: Вяч. Иванова, Л. Зиновьевой-Аннибал, М. Волошина и М. Сабашниковой в феврале 1907 года, Волошин возвратился в Коктебель, предоставив Маргарите Сабашниковой свободу действий и окончательное решение их совместной судьбы. «Я принял несколько важных жизненных решений, — отметил Волошин в дневнике, — я решил, что

я не должен связывать планов своей жизни с Амориными («Аморя» — М. В. Сабашникова — *И. Л.*) планами. Что все лето я проведу в Коктебеле, а осенью отправлюсь в Париж. Она же поступит так, как ей заблагорассудится, — поедет со мной или останется в России» [1, с. 265].

Приехав в Коктебель в конце марта 1907 года, и тяжело переживая расставание с Сабашниковой, Волошин написал целый ряд сонетов, в числе которых был и «Грот нимф».

Важнейшим документальным источником, повествующим об истории создания сонета, является письмо М. Волошина к А. Р. Минцловой¹ от 10 апреля 1907 года, хранящееся в РО ИРЛИ РАН (Пушкинского Дома) в С.-Петербурге. Отдельные выдержки из этого крайне важного документа были нами впервые опубликованы в ряде научных работ в 1999 и 2003 годах [5; 6], а также оно упоминалось и В. Купченко в «Трудах и днях М. Волошина» в 2002 году [4, с. 180]. Но, в целом, это письмо опубликовано не было. Именно поэтому, в данной работе мы впервые публикуем текст письма Волошина к Минцловой полностью.

«Вторник. 10 апреля 1907 года. Коктебель.

Милая, дорогая Анна Рудольфовна, я получил Ваше письмо от 6-го <апреля> (пятница).

Оно меня волнует и вдохновляет. Я это непременно напишу. Я чувствую это. Но мне надо больше знать. Напишите мне больше, напишите мне, сколько возможно о возникновении физической жизни на разных планетах.

Сатурн — кровь и звук. Солнце — зрение и? Луна — пол и?

Какая сила готовится на Вулкане²?

¹ Минцлова А. Р. (1865—1910), переводчица, теософ, видная деятельница международного теософского движения, одна из первых учениц Р. Штайнера. Имела сильное влияние на М. Волошина в 1905—1907 гг.

² Имеются в виду особенности антропософского космогенезиса Р. Штайнера. См. Левичев И. Мистическая муза М. Волошина // Культура народов Причерноморья. № 9. 1999. — Симферополь. — С. 54.

Вторника, 10 Октября, 1907.

Почтальон.

Милая, дорогая Анна Рудольфовна, пишу-
юм Вам письмо от 6-го (пятница).

Оно меня волнует и тревожит. Это не-
приятно писать. Я пишу это. Но мне надо
быстрее писать. Пишите мне больше, напиши-
те мне сколько возможно о волнующих вас
и других на странице смените.

Сатурн - звезды и звуки. Солнце - орбиты и ?
Луна - ком и ?

А какие силы появились на Земле?
Я все сильно предугадываю, все одинаково ви-
жу. Мне достало только одного слова
и со временем все сменит собой и все
развернется.

Анна Рудольфовна, ищите же в почте
теперь же. Вам надо отодвинуть, подвинуть
в одиночестве, в тишине, около моря в
горах. Это надо теперь же.

Я не знаю кто светилась могла увидеть
случайно, от других светил и прочее — Всем свет
милости. Вы не можете идти несовершен-
ны все до конца. Две звезды могут: эти

Судейности, но не для Васъ.

Но и Вы не должны безрасчетно жечь от-
пуща, потому что от дракоутиель

Если Вы пригнати в Коштебел телеграф
кагда некое кити из людей, то что даст.
Вам нудное ожидание и великий
запах сит. Коштебел не унакаивает.
От тревожит, предует, но уютнадеи
и уютитъ. Вохъ дуча проходитъ вренение
горных трав - ароматиче, горючих и суро-
вух. Нами пахнутъ душими нудными
нудными травами, чтото в запахъ души
травы из сонне.

x.

Диа негде где мне дима днами чаше.
Жемало безпокодейва. Благодаря некой
то пошовой нуданитъ вт свои нисома
адресованне диморъ возвращаемо из Ренер-
бурга в Коштебелю от нудного «Вестраке
и Велодостю», а сама она в Мелани (Ворнез мю-
нда, не пошова отъ мене нисем. А теле-
графирован: Вделаву, но не пошум отъ
лфта. Надвигъ пошовой дню в нудан ея
нисем, а пошум свои соделеленны.

Селогреленкоу: а пошум нисем отъ
нез, но она нисетъ, но не нудима сиче ни

Я все смутно предчувствую, все смутно вижу. Мне достаточно намека, одного слова и вокруг него все станет собираться и формироваться.

Анна Рудольфовна, приезжайте в Коктебель теперь же. Вам надо отдохнуть, побыть в одиночестве, в тишине, около моря в горах. Это надо теперь же.

Я не верю, что светильник может угаснуть случайно, от физических причин — Ваш (подч. — *И. Л.*) светильник. Вы не можете уйти, не совершив всего до конца. Для других могут: свет случайности, но не для Вас (подч. — *И. Л.*).

Но и Вы не должны (подч. — *И. Л.*) безрассудно жечь фитиля, потому что он драгоценен.

Если вы приедете в Коктебель теперь, когда никого нет из людей, то это даст Вам глубокое отдохновение и великий запас сил. Коктебель не успокаивает. Он тревожит, требует, но укрепляет и целит. Здесь душа проходит крещение горных трав — ароматных, горьких и суровых. Камни пахнут этими пустынными травами, точно в запахе этих трав — их сознание» [3].

И далее, сообщая Минцловой об истории создания сонета, Волошин так описывал свое душевное состояние в эти дни:

«Эта неделя для меня была днями напряженного беспокойства. Благодаря какой-то почтовой путанице все мои письма, адресованные Аморе, возвращались из Петербурга в Коктебель с надписью: «выехала в Феодосию», а сама она в течение 10 дней молчала, не получая от меня писем. Я телеграфировал Вячеславу, но не получал ответа. Каждый почтовый день я ждал ее писем, а получал собственные. Это ежедневное ожидание было невыносимо и парализовало всякую мысль. Теперь я понял, что нет ничего более губительного для духа человеческого, чем ожидание. Поэтому знание будущего замкнуто для нас...

Еще одно горькое знание воплощения прибавилось во мне.

Я чувствую, что ближайший путь мой — это испытующий меня путь воплощений, мне раньше совсем не ве-

домых. Я ведь не знал тогда, до весны 1905 года в Париже, что есть «ожидание», «разлука», «болезнь», «боязнь потерять», «обида».

Теперь все это подымается на меня и смотрит мне в глаза. Смогу ли я сохранить свое радостное спокойствие...

Я молился о воплощении — оно дано.

Я молился о своей (подч. — *И. Л.*) боли — она есть.

Но я верю, что я преодолею их, и они действительно будут радостными дарами моего человечества» [3].

И далее, сообщая уже непосредственно о сонете:

«Вот единственное стихотворение, написанное в эти смутные дни ожиданий. Оно навеяно «Гротом нимф» Порфирия. В прошлом письме Вы верно получили два моих других сонета.³ Я излюбил теперь эту форму.

Аморя пишет мне в сегодняшнем письме, что Марг<арита> Алекс<еевна> <Сабашникова>⁴ «вне себя от беспокойства» за нее. Вы не знаете почему? Только ли то, что она переехала из Царского в Петербург или есть какие-нибудь слухи и страхи относительно Ивановых? Вы не знаете? Я теперь совсем всеспокоен (подч. — *И. Л.*) (так!)» [3].

Далее Волошин приводит текст первой редакции сонета, а затем следует приписка:

«Ан<нна> Руд<дольфовна>, покажите эти стихи Мих<аилу> Алек<сеевичу> Эртелю⁵ и напишите, что он сказал об них. Вы знаете, как я теперь дорожу его мнением. На днях в сборнике памяти <А.> Урусова⁶ я прочел

³ Вероятно, имеются в виду теософские сонеты М. Волошина «Сатурн» и «Солнце».

⁴ Сабашникова М. А. (1860—1933), мать М. Сабашниковой.

⁵ Эртель М. А. — сын писателя А. И. Эртеля, теософ.

⁶ Кн. А. И. Урусов. Его статьи, письма и воспоминания о нем. М., 1907.

несколько страниц О. Б. Гольдовского⁷ об Вашем отце⁸. Прочел их с большим волнением и интересом. Выделили Вы их? Это в издании Александры Алексеевны. Том II стр. 243» [3].

Как следует из указания самого Волошина, сонет был навеян трактатом античного философа-неоплатоника Порфирия «О пещере нимф», написанного в III в. н. э.

Как известно, произведения Гомера комментировались в античное время на протяжении всего существования античной культуры. Философы поздней античности, и, в частности, Порфирий, использовали произведения ранней греческой культуры, однако толковали их в своеобразном мистико-символическом смысле, ища «новый» эзотерический смысл в произведениях классиков.

В «Одиссее» Гомера содержится один весьма примечательный отрывок, описывающий пещеру — святилище нимф — на скалистом острове Итака, родине Одиссея.

Возле оливы — пещера прелестная, полная мрака,
В ней — святилище нимф, наядами их называют.
Много находится в этой пещере амфор и кратеров
Каменных. Пчелы туда запасы свои собирают.
Много и каменных длинных станков, на которых наяды
Ткут одеянья прекрасного цвета морского пурпура.
Вечно журчит там вода ключевая, в пещере два входа.
Людам один только вход, обращенный на Север, доступен.
Вход, обращенный на юг, — для бессмертных богов. И дорогой
Этой люди не ходят, она для богов лишь открыта
[Одиссея. XIII. 102—112]

Именно этот отрывок и послужил исходным материалом для углубленного мистико-символического толкования его неоплатоником Порфирием.

⁷ Гольдовский О. Б. Кн. А. И. Урусов, как патрон. — В кн.: Князь А. И. Урусов. Его статьи, письма и воспоминания о нем. Т. 2/3. М., 1907, с. 243—261.

⁸ Минцлов Р. Р. (1845—1904), отец А. Р. Минцловой, библиофил и библиограф.

После краткого изложения стихов Гомера, Порфирий сразу же переходит к освещению символического смысла этого рассказа. Порфирий истолковывает пещеру в недрах земли как Космос. Нимфы-наяды святилища — души, нисходящие в мир становления и соединенные с влагой. Пурпурные ткани, которые ткут на каменных станках нимфы — «сотканная из крови плоть», облекающая каменные кости, и приобщавшие души к телесной материи. В амфорах роятся пчелы и откладывают мед, ибо пчелы, по Порфирию — это благостные души, рождающиеся в мир, а мед — символ очищения и жертвы богам смерти, т. к. души, идя в мир, облекаются плотью, т. е. умирают и расстаются с бессмертием, наслаждаясь преходящей жизнью. Два выхода в пещеру для людей и богов обращены к Борею-Северу и Ноту-Югу. Север — нисхождение душ, приобщенных к человеческой жизни. Юг — восхождение в небесный мир душ, сбросивших телесную оболочку и ставших бессмертными богами.

И в заключение своего трактата, Порфирий прославляет Гомера, спрятавшего, по его мнению, в «мифических вымыслах» реальность «божественных образов» [7, с. 90—110].

В вышеприведенном тексте письма Волошина к Минцловой, в заключении, приводится также и первая редакция сонета «Грот нимф».

Пещера Нимф

О, странник-человек! Познай священный грот
И надпись скорбную «Amor et Dolori»⁹
Из бездны хаоса чрез огненное море
В Пещеры Времени влечет водоворот.

Но смертным и богам отверст различный вход:
Любовь — тропа одним, другим дорога — горе.
И каждый припадет к божественной Амфоре
Где тайной Эроса хранится вещей мед.

Отмечен Вход Людей (подч. — *И. Л.*) оливою ветвистой...

⁹ Люби и страдай — *лат.*

В пещере влажных нимф, таинственной и мгlistой
Где вечные ключи рокоcut в тайниках,

Где пчелы в темноте слагают сотов грани
Наяды вечно ткут на каменных станках
Одежды жертвенной пурпуровые ткани.

Максимилиан [3].

И здесь мы сразу же обращаем внимание на первые две строки сонета, являющие, по-нашему мнению, ключевыми для понимания идейно-философского своеобразия «Грота нимф».

О, странник-человек! Познай Священный Грот
И надпись скорбную «Amori et Dolori».

М. Волошин. Портрет А. Р. Минцловой, 1905—6 гг., к., гуашь. Дом-музей М. Волошина, Коктебель. Публикуется впервые.

«Аморей» называли Маргариту Сабашникову близкие, в том числе и Волошин. Именно неразделенная любовь к «Аморе» — Маргарите принесла поэту страдание. Однако здесь Волошин поднимается от личной душевной трагедии

к трагедии Вселенской, трагедии вселенского телесного Воплощения.

Идея странничества, паломничества человеческой души в процессе «воплощения» и «перевоплощения», здесь, на этой Земле, является центральной в теософском учении, концепции реинкарнации и кармы, разделяемых Волошиным. Вспомним письмо к Минцловой.

Я молился о воплощении — оно дано.

Я молился о своей боли — она есть.

Вечное становление человеческого «я», согласно теософскому учению, восходившему, к буддистской концепции — «Жизнь есть Стрдание», трагично, ибо вечное становление, изменение, трансформация приносят страдание и утомление от изменений. Блуждание существ в колесе сансары, изменение форм их существования создает кармическую основу для страданий в настоящем и порождает страдания в будущих воплощениях. У Волошина мы видим тот же идейный лейтмотив.

Космос, Вселенская Пещера, названная Волошиным Священным Гротом, имеет надпись «Amori et Dolori». Тайна «божественного Эроса» заставляет человеческие души воплощаться, влетая в этот Космос извне из «бездны Хаоса», со стороны Севера, через «вход людей». Для Волошина, как ни парадоксально, этот мистический «вход» стал объективной реальностью, поскольку возвращался он в Коктебель после трагических событий на «Башне» Иванова, именно с Севера, из Петербурга, путем «людей».

Представление об Эросе как о движущей силе творческого преобразования вселенского бытия было присуще Волошину. «Я считаю основой жизни пол-sex. Это живой, осязательный нерв, связывающий нас с вечным источником жизни», — записал Волошин в дневнике еще в 1904 году [1, с. 203]. И именно эта тайна Эроса в ее земном проявлении, приведет Волошина к трагедии земной любви, после известных любовных перипетий на «Башне» Вяч. Иванова.

Итак, несомненно, что трагизм поэтического космоса Максимилиана Волошина, выраженный в сонете «Грот нимф», был отмечен, с одной стороны, представлением о горести «перевоплощения», приносящего страдание силой божественного Эроса, а с другой, — печатью трагических любовных отношений поэта с Маргаритой Сабашниковой, «Аморей», подарившей М. Волошину силой земного эроса, любовь и страдание — «Amori et Dolori».

Литература и источники

1. Волошин М. Автобиографическая проза. Дневники / Сост. З. Давыдов, В. Купченко. — М.: Книга, 1991. — 416 с.
2. Волошин М. А. Стихотворения. 1900—1910 гг. — М.: К-во «Гриф», 1910. — 130 с.
3. РО ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом). Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. 74.
4. Купченко В. Труды и дни Максимилиана Волошина. 1877—1916. — СПб.: Алетейя, 2002. — 512 с.
5. Левичев И. Мистическая муза М. Волошина // Культура народов Причерноморья. № 9. 1999. — Симферополь. — С. 53—57.
6. Левичев И. Трагизм поэтического космоса М. Волошина в сонете «Грот нимф» // «Серебряный век» в Крыму: взгляд из XXI столетия. Материалы Вторых Герцыковских чтений. — М.: Дом-музей М. Цветаевой, КЦГИ. — 2003. — С. 76—81.
7. Лосев А. История античной эстетики. Последние века. Книга I. — М.: Искусство, 1988. — 416 с.
8. Соловьёв С. Цветы и ладан. 1-я книга стихов. М., 1907. 225 с.